

Митрополит Курский и Рыльский ГЕРМАН

В основе пастырского служения — благоговейное предстояние пред Богом

В августе этого года Курская область подверглась нападению украинских боевиков, в результате чего погибли десятки и пострадали сотни людей. Из приграничных городов и сел, по разным оценкам, было эвакуировано свыше 140 тысяч местных жителей. С первого же дня помощь пострадавшим стала оказывать Русская Православная Церковь в лице Курской епархии и Синодального отдела по благотворительности и социальному служению. Как она была организована, какие задачи приходилось решать? Об этом и о своем архипастырском пути — служении в Якутии в начале 1990-х, о встречах с насельниками дореволюционной Дивеевской обители — «Журналу Московской Патриархии» рассказал митрополит Курский и Рыльский ГЕРМАН.

Вторжение

— Ваше Высокопреосвященство, в этом году исполнилось 20 лет, как вы вступили на Курскую кафедру. Позвольте от лица редакции поздравить вас и пожелать вам многих и благая лета. Скажите, пожалуйста, какими были ваши первые мысли и действия, когда вы узнали о вторжении ВСУ на территорию Курской области?

— Враг уже два с половиной года пытается прорвать нашу оборону на границе. Бывая в южных районах Курской области, я постоянно слышу канонаду. Священники, которые несут в тех местах свое служение, периодически сообщали мне о прорывах границы диверсантами, которых наши военнослужащие успешно выдворяли. И сначала я подумал, что это небольшая группа взэушников и их точно так же быстро уничтожат. Но все оказалось страшнее: массированный обстрел города Суджи, танки и множество другой бронетехники, огромное количество беспилотников в небе, уничтожение всей инфраструктуры приграничных селений сменилось вторжением тысяч вооруженных до зубов боевиков. Такой масштаб военных действий противника стал для всех нас неожиданностью.

Жителей Суджи еще на рассвете разбудил рев моторов и лязганье гусениц. Бросились к окнам, а там вражеская техника и боевики, говорящие по-польски и по-французски, стреляют по жилым домам. Поэтому многие, тут же оценив серьезность ситуации, схватили из своего дома что возможно, а некоторые и не успев ничего взять, спешно эвакуировались в сторону Большесолдатского района, удаленного от Суджи на 20 км вглубь Кур-

ской области. По дороге машины с беженцами обстреливали вражеские беспилотники, были убитые и раненые. Люди, конечно, пертерпелись страха и ужаса, чудом прорываясь в Курск через кордоны ВСУ. Остались на месте те, кто не смогли выехать, в основном пожилые, немощные люди и те, кто думали, что через день-два все закончится и надо просто где-то переждать. Один священник из Суджанского района отказался уезжать (иеромонах Симеон. — А. Р.). «На кого брошу своих прихожан? — говорил он. — Как я буду смотреть им в глаза?» Сейчас он находится на оккупированной территории и от него нет никаких вестей.

Архиепископ
Якутский
и Ленский Герман
со своей паствой.
2000-е гг.

Митрополит Курский и Рыльский Герман

(Лев Геннадиевич Моралин) родился 24 декабря 1956 г. в с. Ново-Языково Арзамасского района Арзамасской области. По окончании Арзамасского медицинского училища в 1975–1977 гг. служил в рядах Советской армии, затем работал фельдшером и одновременно учился на историко-филологическом факультете Горьковского государственного университета. В 1983 г. рукоположен во диакона. Служил в Успенском кафедральном соборе г. Владимира. Заочно окончил Московскую духовную семинарию. В 1984 г. принял монашеский постриг, рукоположен во иерея. В том же году назначен настоятелем церкви Рождества Пресвятой Богородицы с. Ликино Судогодского района Владимирской области. В 1987 г. возведен в сан архимандрита, в 1991 г. назначен благочинным приходов Юрьев-Польского и Кольчугинского округов. С 1995 г. — епископ Якутский и Ленский. В 2000 г. возведен в сан архиепископа. В 2000 г. заочно окончил Православный Свято-Тихоновский богословский институт. В 2004 г. назначен архиепископом Курским и Рыльским. В 2012 г. возведен в сан митрополита. Решением Священного Синода от 26 июля 2012 г. (журнал № 62) назначен главой новообразованной Курской митрополии.

Спасаясь от врага, многие приехали в Курск, и стало понятно, что нужно организовывать прием беженцев, в том числе священнослужителей и монашествующих из Горнальского Николаевского мужского монастыря, позаботиться об их размещении и создании условий для жизни. Монастырь находится в пятистах метрах от границы с Украиной и неоднократно обстреливался врагом. Однако, несмотря на мои призывы уехать оттуда, братия оставались на месте. Их можно понять: они своими руками восстановили монастырь из руин. За последние два года построили еще один храм, установили иконостас, закончили роспись стен. Отреставрировали все корпуса, наладили хорошее монастырское хозяйство. А эвакуировались буквально в последние часы. По дороге наткнулись на боевиков ВСУ: машину обстреляли, и один из насельников был убит. Царство Небесное послушнику Сергию!

В Курске мы разместили братию при одном из храмов. Я определил этот храм как подворье Горнальского монастыря. Мы также приняли в Курске 37 священнослужителей, которые вынужденно покинули оккупированные районы (Суджанский, Кореневский, Беловский и Глушковский), оставив там все свое имущество. Те, у кого нет родственников в Курской области или в других регионах страны, кому негде жить, прикреплены к нашим храмам, им помогли найти временное жилье, они получают гуманитарную помощь.

Необходимо было подумать и об остальных беженцах, для которых при каждом храме епархия организовала сбор вещей и продуктов. Дальше все произошло спонтанно. На Тускарной улице в Курске, в молодежном епархиальном отделе, стихийно организовался пункт сбора и раздачи гуманитарной помощи, конечно, под нашим покровительством. Священники, диаконы, сотрудники отдела круглосуточно формировали и раздавали пострадавшим гуманитарную помощь. В этом участвовали студенты Курского государственного университета и другие неравнодушные люди. В течение первого месяца мы помогли более чем 25 тысячам беженцев. Я дал задание, чтобы каждый приход (в Курске их 32) постарался разместить хотя бы одну семью в церковном доме или в пригодных для жилья приходских помещениях. В Знаменской роще, где я живу, мы поселили 35 беженцев из Суджанского и Кореневского районов. В мужском монастыре, в Курской Коренной пустыни, в первые недели вторжения нашли приют еще 60 человек. Монастырь их кормит и обеспечивает всем необходимым. Это пожилые люди и семьи с детьми. Дети обучаются по школьной программе дистанционно, причем занятия ведут учителя, также покинувшие оккупированные территории.

— Вы могли бы поделиться опытом и систематизировать действия, которые необходимо предпринять правящим архиереям в аналогичной ситуации?

— Нужно заранее продумать, где разместить беженцев. В первую очередь священнослужителей и членов их семей. И обязательно организовать сбор продуктов питания и одежды, учитывая грядущие холода. Второе — по возможности создать фонд взаимопомощи, чтобы иметь средства для материальной поддержки духовенства и тех, кто обращается с просьбами в храмы. Люди спешно покидали

свои дома, лишь бы уцелеть, у кого-то нет денег, документов или одежды. Есть страдающие хроническими заболеваниями, им необходимы лекарства, порой дорогостоящие. Третье — нужно быть на связи с органами местной власти. Как правило, организацией помощи пострадавшим занимается МЧС, в частности, разворачивает пункты временного размещения (ПВР). Слава Богу, благодаря им все нуждающиеся в первые же дни получили кров, трехразовое питание, были зарегистрированы и встали на учет по выдаче необходимых документов для получения материальной помощи от государства.

А епархия за каждым ПВР закрепила священнослужителей, которые регулярно оказывают духовную поддержку, служат молебны и помогают, по возможности, в необходимых нуждах, например покупают лекарства.

В Троицком женском монастыре города Курска мы вместе с Синодальным отделом по церковной благотворительности и социальному служению открыли пункт выдачи гуманитарной помощи. Ежедневно туда обращается свыше тысячи человек. Сотрудники отдела работают очень четко: быстро определяют, какого рода помощь нужна, и стараются помочь как можно скорее. Им помогают волонтеры, среди

которых есть и беженцы. По благословию Святейшего Патриарха Кирилла, который беспокоится о нас и постоянно находится в курсе наших проблем, организован общецерковный сбор средств и всего необходимого для беженцев из приграничных районов Курской области. Каждый день мы на связи с Управляющим делами Московской Патриархии митрополитом Воскресенским Григорием. Гуманитарная помощь приходит к нам со всей России. Например,

Горнальский Николаевский мужской монастырь после обстрела ВСУ (вверху)

Храм св. Димитрия Солунского села Казачья Локня Суджанского района Курской области после нападения ВСУ (внизу)

В монастыре Курская Коренная Рождества Пресвятой Богородицы мужская пустынь нашли приют 60 беженцев из приграничных районов Курской области

существует большая потребность в раскладушках и в спальных принадлежностях. И проблема постепенно решается. Огромная благодарность за это работникам Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению и всем, кто в этом участвует. Также благодарю руководство Центральной клинической больницы святителя Алексия, митрополита Московского. Сотрудники больницы работают в курских госпиталях и ПВР.

При Учебном центре больницы открыты курсы обучения добровольцев по уходу за ранеными, а курские священники обучаются тактической медицине.

Хочу поблагодарить также наших священников, которые в критической ситуации проявили себя как настоящие герои. Это протоиерей Евгений Шестопалов (г. Суджа, настоятель Троицкого храма), который, рискуя жизнью, вывез из захваченной врагом Суджи и окрестностей более ста человек (см. об этом материал «Я никогда так не молился» на с. 68 данного номера). Протоиерей Валерий Фурсов служит в Кореневском районе. У него большое хозяйство, за счет которого он живет и содержит храм. Он духовно окормляет наших военнослужащих, которые

стоят в том же районе, и помогает им продуктами. И хотя оставаться там опасно, священник говорит: «Как я своих ребят (военных. — А. Р.) оставлю? Кто о них духовно позаботится?» У них с матушкой машина на ходу, и он надеется, что, если ситуация осложнится, успеет уехать. Протоиерей Александр Харин — настоятель Успенского собора в Рыльске, где еще осталось человек пятьсот-шестьсот. Город постоянно обстреливается, но отец Александр отказался уезжать, говорит: «А как же люди? Они же приходят в храм, просят помочь». Он раздает гуманитарную помощь, которая поступает к нему по разным каналам, став для остающихся в городе единственной надеждой и опорой.

Дивеевские подвижницы

— Ваше Высокопреосвященство, позвольте перейти к мирным временам. Расскажите, пожалуйста, о своих встречах с последними дивеевскими насельницами, которые жили в знаменитой обители еще до революции?

— Я родился на Арзамасской земле, и мне посчастливилось застать некоторых из них. В частности, был знаком со схимонахиней Маргаритой (Лахтионовой), у которой в доме

хранились вещи преподобного Серафима Саровского, с монахинями Александрой (Фокиной), Магдалиной, Гавриилой и Анной, сестрой матушки Маргариты. Монахиню Серафиму (Булгакову) я тоже хорошо знал, она жила в селе Выездное.

А с матушкой Серафимой (Малыгиной) из села Суворово (20 км от Арзамаса) у меня сложились особенно теплые отношения. Мне было радостно слушать ее наставления.

Еще ребенком она оказалась в монастырском приюте (в конце XIX века), обучалась при художественной мастерской, писала иконы и застала монахинь, которые помнили преподобного Серафима Саровского. А скончалась она в возрасте 93 лет, в 1980-х годах. Кроме того, я хорошо знал блаженную Анну Саровскую. Она жила в маленьком доме со схимонахиней Маргаритой.

Испытав в своей жизни много скорбей, они жили надеждой на возрождение Дивеевского монастыря. Каждая встреча с дивеевскими монахинями была незабываемой. У них был какой-то совершенно особый молитвенный дух и очень искренняя молитва. Выполнение монашеского правила для них было свято. В домик к матушке Маргарите постоянно шли люди, чтобы увидеть вещи святого Серафима и приложиться к ним, как к святыне, и для каждого она находила слова утешения. А меня удивляла в них особая духовная культура, деликатность, тактичность. Даже чай они наливали как-то иначе — красиво, благородно, с достоинством. От общения с ними я испытывал удивительное чувство: все пустые и глупые помыслы от меня отходили, хотелось молиться, на душе была непередаваемая радость и Божия благодать. И, возвращаясь домой, я еще пару дней ощущал себя как бы другим человеком.

— Вы чувствуете сегодня их духовную, молитвенную поддержку?

— Думаю, что да. Во-первых, эти воспоминания согревают душу. Есть ощущение, что они будто бы рядом. Всегда в дни их памяти стараюсь служить панихиды. Знаете, я иногда в молитвах об их упокоении прошу, чтобы и они тоже Бога молили о нас, обо мне. Укрепляюсь их примером, вспоминаю их жизнь, их слова назидания, которые всегда звучали с любовью, с вниманием к молодому человеку, которого

они видели и думали, возможно, что я чем-то в дальнейшем буду полезен для Церкви. Помню, однажды, когда матушка Маргарита жила в Дивеевском монастыре (ей было уже 92 года), я навестил ее. Мы долго беседовали, и она спросила:

— Ты еще не архиерей?

— Ну что вы, какой я архиерей?! Служу у себя на приходах, я благочинный...

— Пора, пора! Ты знаешь, сколько сейчас нужно делать? Сколько храмов и обителей разорено, сколько разрушено! Сколько трудиться теперь нужно для Церкви. Пора, пора.

У нее была некая прозорливость. В начале 1993 года состоялась моя встреча с Патриархом Алексием II, а затем моя архиерейская хиротония.

И я теперь думаю, что тот «дивеевский» период был, наверное, самым ярким в моей жизни. Я с удовольствием хотя бы на день вернулся бы в то время, чтобы пообщаться с теми людьми и духовно укрепиться, потому что у них была настоящая глубокая вера и сила духа. Только благодаря им, белым платочкам, их молитвам и терпению выжила и возродилась наша Святая Церковь.

Посещение митрополитом Курским и Рыльским Германом исправительной колонии ИК-9. 2021 г.

В Курской епархии 171 храм, 12 часовен, 7 монастырей и 30 молитвенных и приписных помещений (в больницах, тюрьмах и т. д.). Общее число штатных клириков — 292.

На Пасхальном фестивале в Курской епархии, 2024 г.

Якутия как школа жизни

— Ваше архиерейское служение началось с Якутской епархии, где за десять лет вы смогли открыть 50 храмов и воспитать 30 священнослужителей. Хотя приехали туда в 1993 году, что называется, в чистое поле. Как вам это удалось? Как вы привлекали ресурсы, чем заинтересовывали будущих пастырей?

— Действительно, я приехал в чистое поле. Но никакого чувства страха или тревоги не было, на душе было спокойно. Не зная, что впереди, я был готов жить и трудиться в любых условиях. Единственный в епархии небольшой деревянный храм находился на окраине Якутска. Горстка прихожан, иконостаса нет, иконы развешаны по фанерным стенам. К счастью, в алтаре стоял престол и была богослужбная утварь. «Вот мое место, мой «кафедральный собор», а дальше все зависит от того, как я буду перед этим престолом предстоять и молиться», — подумал я тогда. Конечно, поначалу было очень сложно. Больше года пришлось одному служить, исповедовать, кре-

стить и совершать требы. Да и не сразу привыкаешь к лютой, продолжительной якутской зиме с морозами минус пятьдесят. Но утешало и радовало, что все больше людей приходило в храм, открытый круглые сутки. Я знал всех прихожан, потому что часто исповедовал их до позднего вечера.

Через некоторое время мне стали звонить из разных поселков и городов республики с просьбами посетить их. И пока я был в путешествии, в нашем якутском храме служба совершалась мирским чином. А там расстояния такие, что «только самолетом можно долететь». Например, до колымских районных центров Якутии — поселка Зырянка, города Среднеколымск, поселка Черский — лететь больше трех часов. Патриарх Алексей II периодически потом присылал ко мне братию из Троице-Сергиевой лавры (трех человек) и из Данилова монастыря (двоих), но не все хотели ехать. Потом уже стали появляться священники из местных жителей. Я рукополагал их после домашней подготовки, видя искренность их веры. Несколько человек

приехали из Центральной России и остались, за что я им очень благодарен. Это были люди, у которых любовь и желание послужить Христу пересилили все остальное в жизни. Мы организовывали миссионерские экспедиции. Для участия в них митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн присылал каждое лето группу священников и студентов Белгородской духовной семинарии. Протоиерей Владимир Воробьев приезжал с несколькими священниками, которые посетили с миссией все поселки Колымы, за что я им очень благодарен.

Не могу сказать, что возрождение Православия в Якутии было усыпано розами. В 90-е годы XX века начался возврат к местным языческим традициям. Я неоднократно слышал во время поездок: «Опять русские приехали обращать нас в свою веру». И приходилось терпеливо объяснять, что это не русская, а Божия вера. Господь пришел ко всем, и якутский народ в прошлом был крещен, было много благочестивых, искренне верующих христиан. А так как в 20-х годах XX века храмы были закрыты, разорены и уничтожены, за 70 последующих лет свидетельства веры мало где сохранились. За годы моего служения в Якутии почти во всех районах необъятной республики были созданы православные общины, в них появились замечательные верующие прихожане. Например, в селе Верхневилуйск на средства епархии была куплена трехкомнатная квартира и в ней обустроен храм. Я приехал и служил там несколько дней. Какой хороший там народ, какие милые и добрые люди!

Что касается трудностей, то в основном они были в первые годы. Мне приходилось и одному служить, и ездить налаживать отношения с властью, и встречаться со множеством людей. Посещал колонии, больницы, тюрьмы, служил там, исповедовал, причащал. Делал все и за священника, и за диакона, и за алтарника. При посещении новых приходских общин я многократно срывал голос, так как людей нужно было учить петь и читать богослужебные тексты. Я благодарен Богу за такую хорошую школу жизни. Были, конечно, испытания и скорби, а вот уныния не было никогда! Потом постепенно церковная жизнь стала налаживаться, люди располагались душой, появился авторитет у молодой Церкви в Якутии. Сложилась добрые, хорошие отноше-

ния с ведущими компаниями региона, такими как «Алроса», они начали помогать в реставрации и в возведении новых храмов. Эта помощь была очень существенной и своевременной.

— Но вы так и не сказали, в чем был секрет, что с нуля смогли осуществить весь этот колоссальный объем работ?

— Не знаю, есть ли тут какой-то секрет. Я не считаю себя чересчур сильным человеком. Наоборот, я убежден, что в основе любого служения лежит благоговейное предстояние пред Святым Престолом, благоговейное совершение богослужения. Первое — это молитва. А люди, видя твою веру и желание сделать для Церкви все возможное, сплываются вокруг и помогают. И второе — это любовь и внимание к каждому приходящему человеку.

Что мир породил, тем и Бог наградил

— Чем полезен для вас на Курской кафедре оказался опыт, полученный в Якутской епархии?

— Обретением терпения, потому что, когда архиерей приходит на новую кафедру, это качество очень нужно для исправления имеющихся недостатков и решения проблем. Народ здесь в большинстве своем православный, было много приходов, но меня озадачило некое обрядоверие, формализм в духовной жизни,

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и митрополит Курский и Рьельский Герман

Традиционный крестный ход со списком иконы Божией Матери Курская Коренная в день ее празднования, в 9-ю пятницу по Пасхе

беспорядок во многих храмах. С одной стороны, это касалось прихожан. Многие даже не представляли, как надо исповедоваться, как готовиться к Причастию, что можно и что нельзя. Например, спрашиваю одну прихожанку:

— Вы готовились к Святому Причащению?

— А как же! Конечно! Помылась и «Отчу» прочитала!

— Какую «Отчу»?! Во-первых, «Отче наш». Матушка, вы же ходите в храм, у вас молитвослов есть, где содержатся все молитвы и последование ко Святому Причащению. Я уже не говорю про каноны, хотя бы это читаете?

— Ничего не читала. Мы раньше так приходили. А вы тут приехали, стали всех перечувать!

И это было почти повсеместно: «Мы ходим в храм, «Отчу» знаем, больше нам ничего не надо. И оставьте нас в покое!»

А с другой стороны, мне приходилось некоторых священников наказывать и отстранять от настоятельства за недостойное отношение к храму, к алтарю, к престолу, к священным предметам. Во многих храмах были шатающиеся неосвященные престолы, где-то священнослужители не стеснялись служить в ветхом или

давно не стиранном облачении. Один священник в боковом приделе устроил трапезную: стол, тумбочки, хлеб, варенье, чайники. Я ставлял некоторых священников приобретать облачение, требовал следить за чистотой и порядком в храме. Когда через несколько дней после заступления на кафедру я впервые посетил Коренную пустынь, вопросы братии ко мне были такие: как вы относитесь к новым паспортам? к переписи? к ИНН? То есть спрашивали не о покаянии, не о молитве, не об угождении Богу. И это было очень распространено здесь, прямо как какая-то духовная болезнь. Требовалось проявлять выдержку и терпение. Конечно, за минувшие 20 лет удалось оздоровить обстановку в епархии, воспитать много новых хороших, активных, ревностных, достойных священнослужителей, построить много храмов, восстановить старые.

— Как вы оцениваете развитие приходской жизни в последние годы? Есть ли тенденции, которые вас тревожат?

— Есть такая поговорка: что мир породил, тем и Бог наградил. Многие молодые священнослужители сейчас приходят с мирскими запросами и привычками, которые не так легко

искоренить. Да, они хотят служить Богу, но и материальный фактор присутствует. Раньше, помню, когда мы приходили в Церковь, то совершенно не думали о материальных вещах. А сейчас смотришь — год-второй послужил, и у него разговоры уже про машину, про новую квартиру. А мы были счастливы служить Богу да еще тем, что нам удалось преодолеть советские преграды, которые власть возводила перед верующей молодежью, когда утром просыпаясь с мыслью: «Господи, какой я счастливый человек, что иду в храм, иду служить!»

Мы равнялись на старое духовенство, которое служило в 1970–1980-х годах, когда я только знакомился с церковной жизнью. Это были очень серьезные батюшки. Многие в отпуск не на курорты ездили, а в Пюхтицы, Почаев, Троице-Сергиеву лавру. Внешний вид соответствовал их сану. Жили скромно, следили за своим поведением, за каждым словом. Да, в современном мире много соблазнов, но священник должен уметь противостоять им.

Другая тревожная тенденция — это семейные проблемы молодого духовенства.

Выходя замуж за будущего священника, не каждая девушка понимает, что теперь ее статус и образ жизни должен отличаться от образа жизни светских людей. Ведь на матушку смотрят как на помощницу священника, а получается, что ее больше привлекают мирские интересы. Батюшка начинает ее перевоспитывать, а она уходит от него, да еще родители ее в этом поддерживают. А для священника, если, не дай Бог, развод, это настоящая трагедия. Поэтому будущих священников я предупреждаю, чтобы они очень серьезно и ответственно относились к выбору спутницы жизни.

Чудотворный образ «Знамение»

— Под вашим духовным руководством восстанавливался собор Курской Коренной пустыни. Что осталось в памяти об этом времени? Был ли энтузиазм среди православных людей, многие ли помогли?

— Коренная пустынь — это наш главный монастырь. Возродить его начали с 1990-х годов из руин. И моему предшественнику, схимитрополиту Ювеналию (Тарасову, † 2013), пришлось очень много потрудиться на этом поприще. А мне досталось восстанавли-

вать монастырские корпуса. Привели в порядок набережную, родники, источники. Люди, конечно, помогали, откликались. Был организован Попечительский совет во главе с председателем, полпредом в ЦФО в 2000–2011 годах Георгием Сергеевичем Полтавченко. Строительство главного соборного храма Рождества Богородицы, который получился очень торжественным, красивым и благолепным, мы начали в 2006 году. В 2009 году его освятил Святейший Патриарх Кирилл. Тогда же, спустя почти сто лет, привезли из США главную святыню нашего края — чудотворный образ Божией Матери Курской Коренной «Знамение». Ей за 12 дней пришлось поклониться до полумиллиона человек.

Был совершен торжественный крестный ход из Коренной пустыни в Курск. Святейший Патриарх Кирилл назвал принесение иконы в Курск одним из главных событий 2009 года.

В те незабываемые дни было ощущение, что не только Курск, но и весь мир собрался, чтобы поклониться святыне. Паломники стояли в очереди по 11–13 часов. И с того момента вплоть до эпидемии ковида икону ежегодно привозили в епархию в сентябре примерно на десять дней. В Коренной пустыни и в Знаменском соборе г. Курска, где собирались десятки тысяч молящихся, она круглосуточно была доступна для поклонения. Куряне очень почитают свою историческую святыню.

9 мая митрополита Курского и Рыльского Германа на кладбище, где похоронены участники СВО